

Цыбенов Базар Догсонович

канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ)
Электронная почта: bazar75@mail.ru

УДК 94 (517)

Монголия: от статус-кво до юридического признания

Ключевые слова: Монголия, независимость, статус-кво, СССР, Сталин, Ялтинская конференция, Китайская Республика, США, КНР, переговоры, признание

Статья посвящена изучению становления государственной независимости МНР. Статус государства на протяжении многих лет оставался неопределённым, и лишь после ряда международных и двусторонних соглашений 1945–1950 гг. МНР стала полноправным актором международных отношений. Особое внимание в статье уделено дискуссиям по монгольскому вопросу в советско-китайских отношениях 1945–1950 гг. Подчёркивается роль И. В. Сталина в процессе юридического оформления монгольского суверенитета

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ – Министерства образования и науки Монголии (МОНМ) в рамках научно-исследовательского проекта №15–21–03006 «Монгольский мир в условиях взаимодействия России и Восточной Азии в XX–XXI вв.» (2015–2017).

Обретение государственной независимости является сложным и длительным процессом, требующим, с одной стороны, немалых усилий борющегося народа и, с другой, – непрямого участия в этом процессе заинтересованных ведущих держав мира. Фактическая независимость нового государства должна обязательно подкрепляться юридическим признанием со стороны других государств. Монголия стала суверенным государством в 1921 г. в результате победы народно-демократической революции. В том же году было подписано советско-монгольское соглашение об установлении дружественных отношений. Это обстоятельство можно трактовать как вступление Монголии в сообщество государств в качестве нового актора международных отношений. Обретение фактической независимости Монголией вызвало негативную реакцию Китайской Республики, продолжавшей считать «Внешнюю Монголию» своей автономной единицей в соответствии с Кяхтинским тройственным соглашением 1915 г. [2, с. 89; 1, с. 150]. Реакция правительства Китайской Республики была вполне ожидаемой и не вызвала большого резонанса в мировой политике, поскольку одним из основных принципов существования любого государства является территориальная целостность. На самом деле в данном вопросе, по мнению монгольских чиновников, имелся один существенный нюанс: с 1691 г. до 1911 г. Халха-Монголия входила в состав Цинской империи, руководимой маньчжурской династией, и, таким образом, не находилась непосредственно под китайским управлением. Это мнение игнорировалось китайскими властями и никак не повлияло на ход последующих событий. Неопределённость статуса Монголии стала особенно явной в 1924 г., когда в мае было подписано советско-китайское соглашение, по которому Внешняя Монголия

признавалась автономией Китайской Республики. Монгольский вопрос в международно-правовом отношении приобрёл двойственный характер и надолго стал объектом дискуссии в советско-китайских отношениях [11, с. 378–386]. В ноябре 1924 г. состоялось провозглашение Монгольской Народной Республики. Советско-монгольские отношения стали интенсивно развиваться. Началось экономическое и политическое сближение СССР и МНР. Большую работу в МНР проводил Коминтерн, претворявший политику перехода страны к социализму. Благодаря развитию двусторонних отношений наблюдался подъём экономики и культуры МНР. Агрессия Японии в Северо-Восточном Китае в 1931 г. и создание марионеточного государства Маньчжоу-Го в 1932 г. способствовали более тесному сближению СССР и МНР. В марте 1936 г. между государствами был подписан Протокол о взаимопомощи. Для руководства МНР этот шаг был единственно верным решением, гарантировавшим сохранение монгольской государственности и укрепление национальной безопасности. Создание советско-монгольского военно-политического блока базировалось на идеологической близости ВКП(б) и МНРП, а также на общности внешнеполитических интересов обеих стран [10]. Совместными усилиями советско-монгольской объединённой группировки войск была отражена японская агрессия в районе р. Халхин-гол в 1939 г. Нападение фашистской Германии на СССР вызвало немедленную реакцию со стороны Монголии. В декларации, принятой на расширенном заседании Президиума ЦК МНРП, Президиума Малого Хурала и Совета Министров МНР отмечалось, что монгольский народ расценивает этот удар Германии как нападение на МНР и согласно заключённому между МНР и СССР 12 марта 1936 г. Протоколу взаимной помощи, будет исполнять союзнические обязательства [15, с. 29]. Таким образом, МНР, по сути, объявила войну Германии и начала оказывать материальную и финансовую помощь СССР. Этот исторический факт был отмечен 9 мая 2015 г. в докладе президента РФ В. В. Путина, посвящённом празднованию 70-летия победы в Великой Отечественной войне.

Что касается советско-китайских отношений в 20–30-х гг. XX в., то в их развитии можно выделить ряд моментов. 31 мая 1924 г. между СССР и Китайской Республикой были установлены дипломатические отношения. В 1925–1928 гг. Советский Союз оказывал военнотехническую помощь национально-освободительной армии КР в борьбе против региональных военно-политических группировок. В 1929 г. с началом конфликта на КВЖД советско-китайские отношения были разорваны, и восстановлены в 1931 г. Разрыв советско-китайских отношений явился одной из причин, способствовавших захвату Японией Северо-Восточного Китая. С 1931 г. одной из важных проблем стал вопрос о взаимоотношениях в треугольнике «СССР – Китайская Республика – Маньчжоу-Го». В 30-х гг. XX в. СССР имел широкие торгово-экономические и иные связи с администрацией китайских провинций. В то же время руководство Советского Союза не пошло на заключение Пакта о взаимопомощи, предлагаемого Китайской Республикой. Тщательно прорабатывался вопрос о военнотехнической помощи СССР, поскольку вооружение могло быть использовано не только против японских войск, но и отрядов КПК. [16, с. 89–170]. Тем временем в Китае продолжалась гражданская война между официальным правительством Китайской Республики и

КПК (коммунистической партией Китая). Одновременно шла борьба с японскими захватчиками. И Чан Кайши и Мао Цзэдун не могли не понимать упрочение позиций МНР, но, тем не менее, в соответствии с советско-китайским соглашением 1924 г., считали «Внешнюю Монголию» составной частью Китая. Например, в 1944 г., отвечая на вопрос американского журналиста Г. Штейна, Мао Цзэдун сказал: «...Я надеюсь и не сомневаюсь, что Внешняя Монголия вновь присоединится к Китаю» [12, с. 4–5]. Дипломатические шаги по возвращению Монголии в состав Китая были предприняты Чан Кайши в ноябре 1943 г. в ходе встречи с лидерами США и Великобритании на Каирской конференции. Предложение Чан Кайши было отклонено Ф. Рузвельтом, имевшим своё видение складывающейся международной ситуации. Рузвельт понимал бесперспективность решения этого вопроса на предстоящей Тегеранской конференции. Надо полагать, что президент США был осведомлён о тесных дружественных связях между СССР и МНР, а также об отношении советского руководства к «монгольскому вопросу». Ключевым моментом в отказе Рузвельта явилось нежелательность появления серьёзных противоречий в отношениях с СССР. Будучи лидером ведущей державы, он осознавал всю опрометчивость данного шага, к которому подталкивал Чан Кайши. Позиция руководства СССР по «монгольскому вопросу» ещё не была известна, но было понятно, что на какие-либо уступки в этом вопросе оно вряд ли пойдёт.

Переломный момент наступил в 1945 г., когда в преддверии окончания Второй мировой войны главы ведущих держав антигитлеровской коалиции начали переговоры по предстоящему переделу послевоенного мира. На Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.) был подтверждён статус-кво Монголии. В советской исторической науке было принято считать, что тем самым СССР, США и Великобритания подтвердили независимость монгольского государства. Обратимся к определению термина «статус-кво». В международном праве «статус-кво» трактуется как «какое-либо существующее или существовавшее на определённый момент фактическое или правовое положение, о восстановлении или сохранении которого идёт речь». Таким образом, можно говорить о фактическом признании за Монголией статуса независимого государства. Де-юре государство продолжало находиться в ситуации неопределённости, хотя главы США и Великобритании согласились с мнением руководства СССР о сохранении статус-кво МНР. В соглашении было указано, что вопросы о Внешней Монголии, морских портах и железных дорогах на территории Китая должны быть согласованы с правительством Китайской Республики [8, с. 70]. Это означало, что проблема суверенитета МНР приблизилась к своему окончательному юридическому оформлению. Международная обстановка складывалась таким образом, что СССР мог диктовать свои условия. Судьба Германии была предreshена, и после обсуждения сложного «польского вопроса» интересы государств были обращены в сторону азиатского театра военных действий. США и Великобритания были заинтересованы в скорейшем вступлении СССР в войну с Японией, поэтому главы государств поддерживали требования Советского Союза, в числе которых было и решение «монгольского вопроса» [19, с. 254]. Правительство Китайской Республики долгое время не знало о содержании Ялтинского соглашения. Инфор-

мация о результатах встречи глав ведущих держав дошла до Чан Кайши в июне 1945 г. Ознакомившись с соглашением, китайские власти стали трактовать пункт о статус-кво Монголии с иных позиций. По их мнению, речь в нём шла о сохранении статуса автономии, указанном в советско-китайском соглашении 1924 г. Они не учли одну, но важную деталь: в документе было указано и новое название страны – Монгольская Народная Республика (МНР). Очевидно, что в соглашении говорилось о сохранении существующего фактического положения МНР.

В отличие от США и Великобритании, Китайская Республика не была заинтересована в освобождении Северо-Восточного Китая советскими войсками, опасаясь перспективы взаимодействия СССР с КПК. Подписание Ялтинского соглашения и начало переброски советских воинских частей на восток коренным образом меняли ситуацию в Восточной Азии. Становилось ясно, что Китайской Республике необходимо провести переговоры с СССР с целью уточнения вопросов о Монголии, Маньчжурии, КВЖД, ЮМЖД, морских портах. На переговоры отправилась делегация во главе с опытным политиком Сун Цзывэнем. 30 июня 1945 г. в Москве начались переговоры. Сразу после их начала выявились разногласия сторон в вопросе о суверенитете Монголии. Китайская делегация настаивала на автономии Внешней Монголии, однако позиция СССР была непреклонна. Очевидно, такая позиция была неожиданной для Китая, который на протяжении первой половины XX в. несколько раз добивался у царской России, а затем и у Советского Союза признания автономии Монголии. В своё время видный отечественный дипломат И. Я. Коростовец, комментируя российско-китайское соглашение 1913 г., критически отнёсся к внешней политике царской России, считая, что она не выполнила свои обещания, данные некоторым азиатским народам [7, с. 219]. В годы Второй мировой войны и позже, в период «холодной войны», внешняя политика СССР стала более предсказуемой, жёсткой, если возникала необходимость в отстаивании своей позиции. В 1945 г. мир стоял на грани большого передела, и руководство Советского Союза не могло допустить изменения статуса МНР – своего ближайшего союзника. 5 июля 1945 г. Х. Чойбалсану был показан проект советско-китайского соглашения, где говорилось о независимости МНР. Монгольский руководитель заметил, что МНР является суверенной страной и может предъявить Китаю свои требования. 6 июля Чойбалсан попытался включить в переговорный процесс вопрос о присоединении Внутренней Монголии к МНР [18, с. 273]. Ввиду наличия у советской делегации других соображений, этот вопрос так и не был поднят на переговорах.

Большую активность проявил и глава китайской делегации Сун Цзывэнь, который обратился к президенту США Г. Трумэну для уточнения позиции США в вопросе о монгольской независимости. Китайские дипломаты применили все методы оказания давления на советскую делегацию, сын Чан Кайши – Цзян Цзинго – специально встречался с И. В. Сталиным, чтобы изложить мотивы китайского правительства по монгольскому вопросу, но попытки были безуспешными. 13 июля 1945 г. в связи с отъездом руководства СССР на Потсдамскую конференцию советско-китайские переговоры были на время прерваны. На переговорах в Потсдаме Г. Трумэн упомянул о

претензиях Китая насчёт Внешней Монголии. Руководство СССР отвергло эти доводы, указав, что «на протяжении длительного периода у Китая не было никаких связей с Внешней Монголией, поэтому рассуждения о какой-либо «потере» для Китая являются необоснованными, ибо он не может потерять того, чего не имел» [8, с. 93]. Советско-китайские переговоры возобновились 7 августа. Тем временем события на Дальнем Востоке развивались стремительно. На следующий день после начала переговоров, 8 августа, СССР объявил войну Японии, 9 августа советские войска и части МНРА (Монгольской Народно-Революционной Армии) перешли в наступление. 10 августа МНР объявила войну Японии. Советско-монгольские войска стремительно продвигались вглубь Северо-Восточного Китая. Ситуация менялась кардинально, и совсем скоро китайская делегация оказалась в непростой ситуации оперативного принятия решений. Китайская Республика и США стали ускорять подписание советско-китайского договора, опасаясь усиления влияния СССР на китайской территории. Оказавшись в ситуации цейтнота, делегация Китайской Республики подписала 14 августа 1945 г. советско-китайский договор о дружбе и союзе. В телеграмме министра иностранных дел Ван Шицзе от 14 августа, отправленной наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову, сообщалось, что «...после поражения Японии, если плебисцит народа Внешней Монголии подтвердит это стремление, китайское правительство признает независимость Внешней Монголии в её существующих границах». Это сообщение имело большое значение для последующего международного признания МНР. После окончания войны с Японией, 21 сентября 1945 г., Президиум Малого Хурала МНР постановил, что плебисцит должен быть проведён на всей территории страны одновременно 20 октября 1945 г. [13, с. 449]. Началась большая работа по проведению плебисцита. Был организован 4251 пункт для голосования. За ходом плебисцита наблюдала делегация Китайской Республики в составе 12 человек во главе с Лён Фанчаном [14]. За государственную независимость МНР высказались все граждане, принимавшие участие в голосовании. В январе 1946 г. правительство Китайской Республики признало независимость Монголии, в феврале того же года были установлены дипломатические отношения между МНР и Китайской Республикой [19, с. 257]. Руководство Китайской Республики всё же осталось недовольно произошедшими событиями. Впоследствии некоторые китайские политики вновь стали говорить о потере Внешней Монголии, утрате территориальной целостности. В свою очередь, монгольское руководство имело свои планы. 22 февраля 1946 г. премьер-министр МНР Х. Чойбалсан встретился с И. В. Сталиным и обсудил с ним проблемы взаимодействия МНР с Внутренней Монголией. Отвечая на вопрос Х. Чойбалсана, глава СССР сказал: «Если развернуть деятельность по созданию государства в Хингане и Внутренней Монголии, то это может привести к новой войне с Китаем. Нужна ли сейчас такая война?» Поняв, что И. В. Сталин не одобряет его идею, Х. Чойбалсан спросил: «Можно ли там (в Хингане и Внутренней Монголии – Ц.Б.) проводить разъяснительную работу?», на что получил ответ: «Тайно, незаметно можно проводить» [18, с. 313]. Х. Чойбалсан, как и многие монгольские деятели, мечтал об объединении Внешней и Внутренней Монголии и создании единого независимого монгольского государства. Об объединении двух частей Монго-

лии – Внешней и Внутренней думал и лидер китайских коммунистов Мао Цзэдун. По его замыслу, новое объединение должно было стать автономией в составе Китая. Заметим, что идея более тесного взаимодействия Монголии и Внутренней Монголии становится популярной и в наши дни. Современная стратегия КНР в отношении Монголии предполагает превращение Автономного района Внутренняя Монголия в своеобразный мост торгово-экономического сотрудничества между двумя странами [17, с. 8].

В советско-китайских отношениях после Второй мировой войны можно выделить два основных направления: 1) связи СССР с Китайской Республикой; 2) взаимодействие с КПК. Отношения Советского Союза с Китайской Республикой оставались напряжёнными. Чан Кай-ши и его соратники придерживались проамериканской ориентации. К тому же руководство гоминьдана стремилось к полному контролю над КЧЖД и всем Северо-Восточным Китаем. В крупных городах и на железнодорожных станциях неоднократно устраивало погромы и провокации. В целом, после вывода советских войск из Северо-Восточного Китая и занятия его гоминьдановскими войсками было убито 60 советских граждан, работавших на КЧЖД, ограблено более 200 семей. С другой стороны, укреплялось взаимодействие СССР и КПК. Восстанавливались разрушенные мосты, железные дороги, под руководством советских специалистов были подготовлены железнодорожные войска НОАК. Советские медики успешно боролись с эпидемиями чумы, малярии. В районах, контролируемых КПК, работали советские специалисты. Ими были восстановлены и введены в эксплуатацию многие заводы и предприятия [3, с. 25–40].

В феврале 1949 г. в Шицзячжуане состоялась встреча Мао Цзэдуна с членом Политбюро ЦК ВКП (б) А.И. Микояном, на которой была поднята проблема Внешней Монголии (МНР). Микоян подтвердил факт независимости Монголии, а также заявил, что СССР выступает в качестве гаранта монгольского суверенитета. Ответ Микояна, очевидно, не удовлетворил Мао Цзэдуна, и он остался при своём мнении. Вопрос о Монголии был поднят после провозглашения КНР 1 октября 1949 г. В этот период события развивались стремительно. Реакция СССР на победу коммунистических сил в Китае была однозначной и расценена как продвижение мирового коммунизма на азиатском направлении. По инициативе СССР были разорваны дипломатические отношения с Китайской Республикой. США отказались признать создание КНР, оказывали поддержку Китайской Республике. В этих условиях состоялся визит делегации КНР во главе с Мао Цзэдуном в Москву. Делегация находилась в СССР более двух месяцев, с 6 декабря 1949 г. по 17 февраля 1950 г. Одним из проблемных вопросов, поднятых на переговорах, был статус Монголии. Китайская сторона подчёркивала, что речь идёт о Внешней Монголии. Мао Цзэдун продолжал настаивать на объединении Внешней и Внутренней Монголии и образовании единой монгольской автономии в составе КНР. Настойчивость китайской делегации выглядела несколько необычно в связи с тем, что ещё 6 октября 1949 г. МНР признала КНР и установила с ней дипломатические отношения. Этот факт был проигнорирован китайской делегацией, и она продолжала предпринимать попытки пересмотра итогов советско-китайских переговоров 1945 г. К активным действиям китайской делегации в монгольском вопросе,

вероятно, подталкивал и факт разрыва отношений СССР и Китайской Республики. Как позже отмечал Мао Цзэдун, тем самым Советский Союз признал советско-китайский договор 1945 г. утратившим свою силу, и вопрос о статусе Монголии остался неразрешённым. Ситуация усугублялась докладом государственного секретаря США Д. Ачесона от 12 января 1950 г., в котором говорилось о стремлении СССР присоединить северные районы Китая. В частности, Д. Ачесон отметил, что СССР может оказать на Маньчжурию такое же влияние, как и на МНР. Внешняя политика США в 1949–1950 гг. не смогла добиться весомых успехов в Китае, под её влиянием в тот период находился лишь о. Тайвань, куда переехало правительство Китайской Республики во главе с Чан Кайши. Поэтому для разжигания противоречий между СССР и КНР американская дипломатия решила использовать монгольский вопрос в увязке с советской политикой в Маньчжурии. В 1945–1947 гг. оккупация территории Маньчжурии входила в планы США. Лишь позиция СССР, поддерживавшего КПК, была непреодолимым препятствием для американской интервенции. Начавшееся в 1949–1950 гг. советско-китайское сближение свидетельствовало об очередном после образования КНР провале китайской политики США. Были сделаны провокационные заявления, которые лишь показали неспособность США повлиять на складывающуюся ситуацию. Заметим, что современное российско-китайское сотрудничество также вызывает негативную реакцию Вашингтона. В современном треугольнике «США – КНР – Россия» выделяют связку Россия – Китай и связку США – Китай. На фоне событий, связанных с возвращением Крыма, украинским кризисом и антироссийскими санкциями, связка Россия – Китай быстро набирает обороты. К тому же КНР имеет все шансы в будущем сменить США на посту глобального лидера. Для Китая РФ является более удобным партнёром, который дорожит его поддержкой в условиях охлаждения с Западом [9, с. 159]. Что касается связки США – Китай, то здесь имеют место разногласия. В 2014 г. Пекин занял жёсткую позицию по отношению к США в вопросе безопасности Восточной Азии. На четвертом саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в мае 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что жители Азии должны решать проблемы безопасности Азии [6, с. 301].

Возвращаясь к изучаемой теме, отметим, что, несмотря на доводы китайской стороны, позиция СССР осталась непоколебимой. 14 февраля 1950 г. состоялось подписание трёх советско-китайских соглашений: Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи между СССР и КНР; Соглашения о железных дорогах и морских портах, расположенных на территории Китая; Соглашения о предоставлении СССР кредита правительству КНР. В одном из документов переговорного процесса – советско-китайском коммюнике о подписании 14 февраля 1950 г. договора и соглашений между СССР и КНР – чётко говорилось о статусе МНР: «...оба правительства констатируют полную обеспеченность независимого положения Монгольской Народной Республики в результате референдума 1945 г. и установления с ней дипломатических отношений Китайской Народной Республикой» [4, с. 455]. Независимость МНР была документально подтверждена новым государством – Китайской Народной Республикой. Это при-

знание со стороны КНР имело важное значение для развития дальнейших дипломатических отношений МНР со странами социализма.

После обретения независимости МНР данная проблематика стала объектом исследования китайских специалистов. В период ухудшения советско-китайских отношений с конца 1950-х по 1990-е гг. историки КНР писали о территории Внешней Монголии как исконно китайских землях. Подобная трактовка была характерна для китайских исследователей Лу Минхуэя, Юй Шэньду, Люй Цункуня, Ян Шихао, Ли Цзягу, Чжан Чжи. Идеи о принадлежности земель Внешней Монголии Китаю нашли отражение в коллективных трудах «Ша Э юй Дун бэй» (Царская Россия и Северо-Восток), изданной в Чанчуне в 1985 г., «Истории китайско-монгольских отношений» (Хух-хото, 1981), «Тайна обретения независимости Внешней Монголией» (Пекин, 1993) [10]. Появление подобных трудов было напрямую связано с ухудшением советско-китайских отношений в 60-х гг. XX в. В начале XXI в. публикации, связанные с территориальными претензиями Китая, были изданы в Гонконге. По мнению китайских исследователей, в частности Янь Цзяци, председателю КНР Цзян Цзэминю не следовало подписывать Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 16 июля 2001 г., поскольку там содержался пункт об отсутствии территориальных претензий сторон [5, с. 44]. В современной историографии КНР, на наш взгляд, имеет место более сдержанная оценка происходивших событий в треугольнике «Россия – Монголия – Китай», ввиду укрепления стратегического партнёрства РФ и КНР. Большая часть китайских научных и научно-популярных публикаций о Монголии связана со стратегическим партнёрством КНР и Монголии в XXI в.

Обретение юридического признания Монголией со стороны других государств, прежде всего Китайской Республики и КНР, было огромным достижением монгольского народа, который, начиная с 1911 г., упорно боролся за свою независимость. Оно также явилось крупным итогом усилий советской внешней политики на восточном направлении. Несомненно, большую роль в этом процессе сыграла советская дипломатия, выдвинувшая требование признания статус-кво МНР на Ялтинской конференции и затем твёрдо отстаивавшая свою позицию на советско-китайских переговорах 1945 и 1949–1950 гг.

Литература

1. Базаров В.Б. Российско-китайские отношения в первой четверти XX в.: монгольский вопрос // Власть. – 2015. – № 7. – с. 149–153.
2. Батунаев Э.В. Борьба за независимость монгольского государства. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. – 160 с.
3. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945–1980. – М.: «Мысль», 1980. – 638 с.
4. Галенович Ю.М. Сталин и Мао. Два вождя. – М.: Восточная книга, 2009. – 574 с.
5. Гончаров С.Н., Данхуэй Л. О «территориальных претензиях» и «неравноправных договорах» в российско-китайских отношениях: мифы и реальность // Россия и АТР. – 2004. – № 4. – с. 44–52.
6. Конкурирующие модели и современные тенденции восточ-

ноазиатского и азиатско-тихоокеанского регионализма / науч. ред. С.В.Севастьянов; под общ. ред. А.Б. Волынчука. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т: Дальнаука, 2014. – 360 с.

7. Курас Л.В., Цыбенков Б.Д. 100 лет российско-монгольскому соглашению 1912 г. // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – № 2 (6), 2012. – с. 213–219.

8. Ледовский А.М. Китайская политика США и советская дипломатия. 1942–1954. – М.: «Наука», 1985. – 287 с.

9. Лексина Е.А. Американский фактор в российско-китайских отношениях // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2015. – № 6. – с. 154–160.

10. Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай: внешнеполитические отношения в 1911–1946 гг.: дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук по спец. 07.00.03. – М., 1997. – 433 с.

11. Лузянин С.Г. «Треугольник» Россия – Монголия – Китай в 1911–1945 гг. – долговременный исторический фактор современного климата в Восточной Азии // Монгол Улсын аюулгүй байдал: Монгол, Оросын судлаачдын үзэл бодол (Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности): сб. ст. – Улан-Батор: Стратегийн судалгааны хурээлэн, 1999. – с. 378–386.

12. Информационный бюллетень № 25. Политика Пекина в отношении стран Азии и Африки (на примере отношений с МНР и странами Индоокеанского региона). – М.: «Наука», 1981. – 177 с.

13. История Монгольской Народной Республики. – М.: «Наука», 1983. – 661 с.

14. Монголия в двадцатом веке. Статус Монголии // сайт туристической компании «Легенда тур» [Электронный ресурс]. URL: http://www.legendtour.ru/rus/mongolia/text/text_08.shtml [Датаобращения: 23.07.2015 г.].

15. Цыбенков Б.Д. Советско-монгольское сотрудничество в годы Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. – № 2, 2013. – с. 28–31.

16. Щупленков О.В. Советско-китайские отношения в 1920–1930-е гг. // Мировая политика. – № 2, 2014. – с. 86–181.

17. Ариунгуа Н. Монгол-Хятадын харилцаан дахь шинэ нохцол байдал (Новая ситуация в монгольско-китайских отношениях) // Олон Улс судлал (Международные исследования). – № 2, 2014. – с. 5–12.

18. Батсайхан О. Монгол үндэстэн бүрэн эрхт улс болох замд (1911–1946). (Монгольский народ на пути к полноправному государству). (1911–1946). – Улан-Батор, 2005. – 353 с.

19. Монгол Улсын туух. Тавдугаар боть. (XX зуун). (История монгольского государства. Пятый том. (XX век) / под ред. Ж. Болдбаатара, М. Санждоржа, Б. Ширэндэва. – Улан-Батор: «ADMON», 2003. – 501 с.